

герой на экране:
каким ему быть?

ПУСТЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сов. культура, 1987, 27 июня, № 60

Постановка вопроса, вынесенного в заглавие дискуссии, — каким быть герою? — непонятна. Кто это знает? Или это мечтания? Или, напротив, планирование? Как бы там ни было, но с начала нынешнего года, со дня начала дискуссии уже выдвинут ряд предложений. Известнейший режиссер сообщил печатно, что герой должен быть умным, добрым и совестливым. Красивым, прибавил один читатель. Властителем дум к тому же и образцом для молодежи, прибавил второй. Я, например, в свою очередь признался бы, что глубоко симпатичный мне Федор Сухов из «Белого солнца пустыни» бескорыстен. Так общими усилиями, кажется, вырисовывается задача: ищется герой, который нравится всем. Бьются клинки, схлестываются друг с другом наши хрестоматийные представления. Вдруг из чувства ответственности сам себе задаю вопрос: а интересен ли мне герой корыстный? Теоретически, несомненно. Практически среди них немало людей талантливых, умных, широких, отважных и энергичных. Интересная проблема, хотя и пустая, способна вызвать еще дискуссию: может ли корыстный считаться героем, и заодно: что такое корысть по нынешним временам? Скажем, желание хорошо устроить свою жизнь естественно. Что это

значит для большинства? Иметь интересную работу. Хорошо оплачиваемую. Прославиться. Добиться уважения общества. Удачно жениться. Право же, если приятный мне серьезный молодой человек поставит себе перечисленные задачи, я с интересом начну следить. А если еще в соотношении «для себя» и «для людей» второе у этого молодого человека чутьточку превысит, то уж, поверьте, я почувствую уважение. Более того, задумаюсь, а не лидер ли мне явился. В жизни-то так! Героев-то поверяем жизнью!

Конечно, у разговоров о герое «вообще» при всей их безответственности есть вроде бы и плюсы — они безопасны, но, ей богу, мне кажется, польза от них нулевая. Сами своей волей создаем и навязываем читателям штампы. И в собственном сознании, и в сознании читателя сооружаем плотину, через которую истинно живому персонажу, просто обязанному появиться в театре и на киноэкране, не переползти. Не уживется этот живой с бедностью наших представлений! История знает массу любопытных примеров. Разве Печорин не был объявлен современниками жалкой карикатурой на героев дня? Горько было этим современникам сознавать, что тоска, скука, неприкаянность и пессимизм — есть

единственный удел лучших, мыслящих людей, живущих в государстве, якобы призванном демонстрировать идеал общественного устройства. А вспомним, как негодовали сердца патриотов при известии, что Кутузов сдал Москву, как во всех гостиниках уничтожали этого человека. А он, сдав Москву, спас Родину. Вот, собственно, какова высота скороспелых, сиюминутных оценок героев дня. И как бы мы через запятую ни называли огромное количество действительных достоинств — честность, мужество, храбрость и т. п., — ничего тем самым не проясим себе.

Вплоть до сегодняшнего дня самое астрономическое число схваток на страницах газет и журналов разыгралось вокруг так называемых «деловых людей».

Не будем греха таить — все начиналось и кончалось самоуверенными поучениями. Когда-то был у меня в молодости приятель, начальник АХО, вместе служили. Нас тревожили злободневные вопросы. «Сколько раз может человек любить?» — спрашивал я. «Три!» — отвечал он. «Почему?» — спрашивал я. «Я трех любил», — отвечал начальник АХО. Таков был его жизненный опыт. Очень, очень часто наши дискуссии шли на близком уровне. Модным и на-

долго стало публично беседовать о «деловых людях».

Смехотворно выглядит человек, уверяющий, будто он-то доподлинно знает, как и что обстоит в жизни. И еще смешнее того, когда, как обладатель этой истины, поучает других, что брать из жизни в драму, в какой пропорции. Не будь это столь смехотворно и праздно, можно было бы указать на существование и в самой жизни разнообразных взглядов на жизнь. Разнообразно видят жизнь герои и авторы. Разнообразно видят и понимают жизнь «деловые люди», потому что они ведь очень не похожи друг на друга.

Помню, одна дискуссия именно так и начиналась: «Каков он, «деловой человек» 80-х годов?». Было это что-то вроде крошечной инвентаризационной бирки, какие лепят на конторскую мебель. Не стоило говорить об этих героях, бухгалтерски определяя год выпуска: «деловой человек» шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых. Люди не меняются столь быстро, как наши наивные представления о них. Весма торопливо мы выдавали желаемое за действительное.

Легендарный «деловой человек» петровских времен Татищев Василий Никитич, делая сегодняшнее, непрестанно думал о будущем дер-

жавы, боролся с лихоимством, взяточничеством, из-за чего и страдал. Я очень хотел бы открыть в моем дорогом современнике качества души — стойкость, несгибаемость, преданность Родине, — какими обладал В. Н. Татищев. Был он человеком справедливым, хотя и резковатым, и неуживчивым порой, а форма, она ведь второстепенная вещь. Упомяну об этом не случайно: к сожалению, не только в оценке героев, но и в самих жизненных перипетиях мы все чаще обольщаемся формой, давая приоритет ей в ущерб смыслу поступков и подлинной цене человека, в том числе и «делового». Не сегодня, давно, та пора пришла, чтобы поставить вопрос: а человек ли он, «деловой человек»? Тут многое бы могло измениться в дискуссиях. Суд над «деловыми людьми» был бы, полагаю, куда более строгим, но качественно иным.

Заметим четко и недвусмысленно: «производственная» тема была вызвана потребностью общества. Своим вниманием к ней общество обнаружило тоску по деятельному герою (между прочим, один из ответов на вопрос дискуссии). Авторы тоже обратились к этой теме не по случаю. Предмет исследования — человек — перестал жить в поместье, особняке, в доме за высоким забором. Его интересы и страсти, не

целиком, нет, не целиком, но вырвались на общественные площадки — в лаборатории, в цехи, в служебные кабинеты. Разве не так? А там, где человек живет, обязаны жить литература и искусство. С этим спорить нельзя. До сих пор точно не представляю, насколько «производственная» драма нравилась критикам, но зрителю на определенной поро — очень. Поначалу неумело, пусть назидательно, пусть прямолинейно, но драма эта несла идеи нравственные, остальное в ней было фоном. Ее героев питала сама жизнь, и в этом была их сила. Зритель заволновался.

Неудивительно, живем в стране труда, и главный нравственный критерий, во всяком случае должен бы таким быть, — это как все-таки гражданин выполняет ту ежедневную работу, за которую ему платят зарплату. Да, так. Зрителя волновало, например, что названный критерий порой расходится с практикой. Зрителя волновало, насколько ценится его труд — коренной вопрос! И не впустую ли он, зритель, работает? Не расхищаются ли производимые им ценности? И все ли в его главном мире, в мире труда, течет на основе порядка и справедливости? Словом, «производственная» драма и ее герои давали разнообразную пищу для размышлений. При помощи «де-

ловых людей» театр и кино заговорили о насущных проблемах жизни.

Прошло время, и вот сегодня у некоторых, в том числе и нескольких участников настоящей дискуссии, «деловой человек» вызывает почти иронию. Вдруг эти люди узрели, что резко, порой плакатно очерченный социальный герой подменил героя, стоящего на психологических основах. Впрочем, иронию и даже гнев можно понять: человеческие отношения нередко напрямую были подменены производственными, а потом вдруг исчезли и боль, и страсть, и вопросы — все то, что делало таких героев общечеловеческими. На это и следовало вовремя указать, а ведь поначалу просто захлеб был! На журнальных и газетных полосах сочинения «производственников» оценивались очень благодушно, но не с позиций человеческого духа, а куда чаще с точки зрения специальных идей промышленности и науки, которые, конечно же, многих волнуют. Однако специальными и экономическими знаниями большинство из дискутирующих владело на дилетантском уровне. Что тут поделаешь!

«Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Ситуация сложилась прямо-таки нелепая: на страницах прессы экономистов все время подталкивали говорить

об искусстве, видя в том проявление широты, — и это стало модой! — в то время как литераторы и критики с большим удовольствием, упоенно рассуждали о новациях в экономике (последнее, увы, проявляется и в настоящей дискуссии. Один уважаемый товарищ уверяет нас, что с введением хозрасчетных звеньев и бригадного подряда экономические сложности, в общем-то, кончатся). Добра это не принесло. дезориентировало и читателей, и авторов, которые только-только приближались к освоению гигантского жизненного пласта и учились тому, как это нужно писать.

Как был преувеличен восторг перед «деловыми людьми», так и очернение их неправомерно и — не знаю годится ли слово — нерачительно. А пласт этот осваивать будут. Как-то иначе, умнее, сложнее, но неизбежно. Не могут, не должны пройти мимо этих людей искусство и литература, хотя бы потому, что жизнь их в самом деле драматична. Может быть, исключится эпитет «деловой» и останется **человек**, живущий в борьбе.

В обьеме нынешних, в общем, довольно стереотипных конфликтов есть просто очень интересные, вечные, гигантские. Хотя бы взаимоотношения личности и коллектива. Громаднейшая человеческая ситуация! В ней масса сто-